

М. А. Горький

Мать

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г71

Г71 **Горький М.**
Мать / М. А. Горький – М.: Книга по Требованию, 2020. – 411 с.

ISBN 978-5-517-99425-7

ISBN 978-5-517-99425-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Часть первая.

I.

Каждый день надъ рабочей слободкой, въ дымномъ, масляномъ воздухѣ, дрожаль и ревѣль фабричный гудокъ, и, послушные зову силы пара, изъ маленькихъ сѣрыхъ домовъ суетливо выбѣгали на улицу, точно испугавшие тараканы, угрюмые люди, не успѣвшіе освѣжить сномъ свои мускулы. Въ холодномъ сумракѣ они шли по узкой, немощеной улицѣ къ высокимъ каменнымъ клѣткамъ фабрики, а она съ равнодушной увѣренностью ждала ихъ, освѣщая людямъ грязную дорогу десятками своихъ жирныхъ, квадратныхъ глазъ. Грязь чмокала подъ ногами, насмѣшливо сожалѣя о чемъ-то. Раздавались хриплые восклицанія сонныхъ голосовъ, раздражительная ругань зло рвала воздухъ; а встрѣчу людямъ плыли глухіе звуки — тяжелая возня машинъ, недовольное ворчаніе пара. Угрюмо и строго маячили высокія черныя трубы, поднимаясь надъ слободкой, точно толстыя палки.

Вечеромъ, когда садилось солнце и на стеклахъ домовъ устало блестѣли его красные лучи, фабрика выкидывала людей изъ своихъ каменныхъ нѣдръ, словно отработанный шлакъ, и они снова шли по улицамъ, закопченные, съ черными лицами, распространяя въ воздухъ липкій запахъ машиннаго масла и блестя голодными зубами. Теперь въ ихъ голосахъ звучало оживленіе и даже радость — на сегодня кончилась каторга труда, дома ждалъ ужинъ и отдыхъ.

День былъ проглоченъ фабрикой, машины высосали изъ мускуловъ людей столько силы, сколько имъ было нужно. День былъ безслѣдно вычеркнутъ изъ жизни, человѣкъ сдѣлалъ еще шагъ къ своей могилѣ, но онъ видѣлъ близко передъ собой наслажденіе отдыха, радости дымнаго кабака и — былъ доволенъ.

По праздникамъ спали часовъ до десяти, потомъ, люди солидные и женатые, одѣвались въ свое лучшее платье и шли слушать обѣдню, попутно ругая молодежь за ея равнодушіе къ церкви. Изъ церкви возвращались домой, ѣли пироги и снова ложились спать — до вечера.

Усталость, накопленная годами, лишала людей аппетита, и для того, чтобы ѣсть, много пили, раздражая безсильный желудокъ острыми ожогами водки.

Вечеромъ лѣниво гуляли по улицамъ, и тотъ, кто имѣлъ галоши, надѣвалъ ихъ, если даже было сухо, а имѣя дождевой зонтикъ, носилъ его съ собой, хотя-бы свѣтило солнце.

Встрѣчаясь другъ съ другомъ говорили о фабрикѣ, о машинахъ, ругали мастеровъ, — говорили и думали только о томъ, что было связывало съ работой. Одинокія искры неумѣлой, безсильной мысли едва мерцали въ скучномъ однообразіи дней. Возвращаясь домой ссорились съ женами и часто били ихъ, не щадя кулаковъ. Молодежь сидѣла въ трактирахъ или устраивала вечеринки другъ у друга, играла на гармоникахъ, пѣла похабныя, некрасивыя пѣсни, танцевала, сквернословила и пила. Истомленные трудомъ люди пьянѣли быстро, и во всѣхъ грудяхъ пробуждалось непонятное, болѣзненное раздраженіе. Оно требовало выхода. И цѣпко хватаясь за каждую возможность разрядить это тревожное чувство, люди изъ-за пустяковъ бросались другъ на друга съ ѣдкимъ озлобленіемъ звѣрей. Возникали кровавыя драки. Порою онѣ кончались тяжкими увѣчьями, изрѣдка — убійствами.

Въ отношеніяхъ людей всего больше было чувства подстерегающей злобы, и оно было такое-же застарѣлое, какъ и неизлѣчимая усталость мускуловъ. Люди рождались съ

этую болѣзнь души, наслѣдуя ее отъ отцовъ, и она черною тѣнью сопровождала ихъ до могилы, побуждая въ теченіе жизни къ ряду поступковъ, отвратительныхъ своей безцѣльной жестокостью.

По праздникамъ молодежь являлась домой поздно ночью въ разорванной одеждѣ, въ грязи и пыли, съ разбитыми лицами, злорадно хвастаясь нанесенными товарищамъ ударами, или оскорбленная ими, въ гнѣвѣ или слезахъ обиды, пьяная и жалкая, несчастная и противная. Иногда парней приводили домой матери, отцы. Они отыскивали ихъ гдѣ-нибудь на улицѣ или въ кабакахъ безчувственно пьяными, скверно ругали, били кулаками мягкія, разжиженные водкой тѣла дѣтей, потомъ болѣе или менѣе заботливо укладывали ихъ спать, чтобы рано утромъ, когда въ воздухѣ темнымъ ручьемъ потечетъ сердитый ревъ гудка, разбудить ихъ для работы.

Ругали и били дѣтей тяжело, но, въ тоже время, пьянство и драки молодежи казались старикамъ вполне законнымъ явленіемъ — когда отцы были молоды, они тоже пили и дрались, ихъ тоже били матери и отцы. Жизнь всегда была такова — она ровно и медленно текла куда-то мутнымъ потокомъ годы и годы и вся была связана крѣпкими, давними привычками думать и дѣлать одно и тоже изо дня въ день. И, казалось, никто не имѣлъ времени, ни желанія попытаться измѣнить ее.

Изрѣдка въ слободку приходили откуда-то посторонніе люди. Сначала они обращали на себя вниманіе просто тѣмъ, что были чужіе, затѣмъ возбуждали къ себѣ легкой, внѣшній интересъ разказами о мѣстахъ, гдѣ они работали, потомъ новизна стиралась съ нихъ, къ нимъ привыкали, и они становились незамѣтными. Изъ ихъ разказовъ было ясно: жизнь рабочаго вездѣ одинакова. А если это такъ — о чемъ-же разговаривать?

Но иногда нѣкоторые изъ нихъ говорили что-то чужое, неслыханное въ слободкѣ. Съ ними не спорили, но слушали ихъ странныя рѣчи недовѣрчиво. Эти рѣчи у однихъ воз-

буждали слѣпое раздраженіе, у другихъ смутную тревогу, третьихъ безпокоила легкая тѣнь надежды на что-то неясное, и они начинали больше пить, чтобы изгнать ненужную, мѣшающую тревогу.

Замѣтивъ въ чужомъ необычное, слобожане долго не могли забыть ему это и относилсь къ человѣку, непохожему на нихъ, съ безотчетнымъ опасеніемъ. Они точно боялись, что человѣкъ бросить въ жизнь что-нибудь такое, что нарушитъ ея уныло правильныи ходъ, хотя тяжелый, но спокойный. Люди привыкли, чтобы жизнь давила ихъ всегда съ одинаковой силой и, не ожидая никакихъ измѣненій къ лучшему, они считали всѣ измѣненія способными только увеличить гнеть.

И отъ людей, которые говорили новое — слобожане молча сторонились. Тогда эти люди исчезали, снова уходя куда-то, а оставаясь на фабрикѣ, они жили всторонѣ, если не умѣли слиться въ одно цѣлое съ однообразной массой слобожанъ . . .

Поживъ такой жизнью лѣтъ пятьдесятъ — человѣкъ умиралъ.

II.

Такъ жилъ и слесарь Михаилъ Власовъ, человѣкъ угрюмый, съ маленькими глазами, которые смотрѣли въ-подъ густыхъ бровей подозрительно, съ нехорошей усмѣшкой. Онъ былъ лучшимъ слесаремъ на фабрикѣ и первымъ силачемъ въ слободкѣ. Но онъ держался съ начальствомъ грубо и поэтому зарабатывалъ мало, каждый праздникъ кого-нибудь избивалъ, и всѣ его не любили, боялись. Его тоже пробовали бить и не однажды, но безуспѣшно. Когда Власовъ видѣлъ, что на него идутъ люди, онъ хваталъ въ руки камень, доску, кусокъ желѣза и, широко разставивъ ноги, молча ожидалъ враговъ. Лицо его, заросшее отъ глазъ до шен черной бородой, и волосатыя руки внушали всѣмъ страхъ. Особенно боялись его глазъ, — маленькіе и острые, они сверлили людей точно стальные буравчики, и каждый, кто встрѣ-

чался съ ихъ взглядомъ, чувствовалъ передъ собой дикую силу, недоступную страху, готовую бить безощадно.

— Ну, расходишь, сволочь! — глухо говорилъ онъ. Сквозь густые волосы на его лицѣ страшно сверкали крупные, желтые зубы. Люди расходились, ругая его трусливо воющей руганью.

— Сволочь! — кратко говорилъ онъ вслѣдъ имъ, и глаза его блестѣли острой, какъ шило, усмѣшкой. Потомъ, держа голову вызывающе прямо, онъ шель слѣдомъ за ними и порою вызывалъ:

— Ну, кто смерти хочетъ?

Никто не хотѣлъ.

Говорилъ онъ мало и »сволочь« — было его любимое слово. Имъ онъ называлъ начальство фабрики и полицію, съ нимъ онъ обращался къ женѣ.

— Ты, сволочь, не видишь — штаны разорвались!

Когда Павлу, сыну его, было четырнадцать лѣтъ — Власову захотѣлось оттаскать его за волосы еще разъ. Но Павелъ взялъ въ руки тяжелый молотокъ и кратко сказалъ:

— Не тронь

— Чего? — спросилъ отецъ, надвигаясь на высокую и тонкую фигуру сына, какъ тѣнь на березу.

— Будеть! — сказалъ Павелъ. — Больше я не дамся . . .

И широко раскрывъ глаза, онъ взмахнулъ молоткомъ.

Отецъ посмотрѣлъ на него, спрятавъ за спину свои мохнатые руки и, усмѣхаясь, проговорилъ:

— Ладно

Потомъ тяжело вздохнулъ и добавилъ:

— Эхъ ты, сволочь

Вскорѣ послѣ этого онъ сказалъ женѣ:

— Денегъ съ меня больше не спрашивай тебя и Пашка прокормить .

— А ты все пропивать будешь? — осмѣлилась она спросить его.

Онъ, ударивъ кулакомъ по столу, заявилъ:

— Не твое дѣло . сволочь! Я любовницу заведу

Любовницы онъ не завелъ, но съ того времени почти два года, вплоть до смерти своей, не замѣчалъ сына и не говорилъ съ нимъ.

Была у него собака, такая-же большая и мохнатая, какъ самъ онъ. Она каждый день провожала его на фабрику и каждый вечеръ ждала его у воротъ. По праздникамъ Бласовъ отправлялся ходить по кабакамъ. Ходилъ онъ молча и, точно желая найти кого-то, царапалъ своими глазами лица людей. И собака весь день ходила за нимъ, опустивъ большой, пышный хвостъ. Возвращаясь домой пьяный, онъ садился ужинать и кормилъ собаку изъ своей чашки. Онъ ее не билъ, не ругалъ и не ласкалъ никогда. Послѣ ужина онъ сбрасывалъ посуду со стола на полъ, если жена не успѣвала во время убрать ее, ставилъ передъ собой бутылку водки и, опираясь спиной о стѣну, глухимъ голосомъ, наводившимъ тоску, вылъ пѣсню, широко открывая ротъ и закрывъ глаза. Заунывные, некрасивые звуки путались въ его ухахъ, сбивая съ нихъ хлѣбныя крошки, слесарь расправлялъ волосы бороды и усовъ толстыми пальцами и — пѣлъ. Слова пѣсни были какія-то непонятныя, растянутыя, мелодія напоминала о зимнемъ воѣ волковъ. Пѣлъ онъ до поры, пока въ бутылкѣ была водка, а потомъ валился бокомъ на лавку или опускалъ голову на столъ и такъ спалъ до гудка. Собака лежала рядомъ съ нимъ.

Умеръ онъ отъ грыжи и умиралъ долго. Дней пять, весь почернѣвшій, онъ ворочался на постели, плотно закрывъ глаза, и скрипѣлъ зубами. Иногда говорилъ женѣ:

— Дай мышьяку   отравн

Она приводила доктора, онъ велѣлъ поставить Михаилу припарки, но сказалъ, что необходима операція, и больного нужно сегодня-же везти въ больницу.

— Пошелъ къ черту   я самъ умру   сволочь!
— сказалъ Михаилъ.

А когда докторъ ушелъ и жена со слезами стала уговаривать его согласиться на операцію, онъ сжалъ кулакъ и, погрозивъ ей, заявилъ:

— Не смѣй выздоролю — тебѣ хуже будетъ!

Онъ умеръ утромъ, въ тѣ минуты, когда гудокъ звалъ на работу. Въ гробу лежалъ съ открытымъ ртомъ, но брови у него были сердито нахмурены. Хоронили его жена, сынъ, собака, старый пьяница и воръ Данило Вѣсовщиковъ, прогнанный съ фабрики, и нѣсколько слободскихъ нищихъ. Жена плакала тихо и немного, Павелъ не плакалъ. Слобожане, встрѣчая на улицѣ гробъ, останавливались и крестясь говорили другъ другу :

— Чай, Палагея-то рада-радешенька, что померъ онъ . . .

Нѣкоторые поправляли :

— Не померъ, а — издохъ

Когда гробъ зарыли, — люди ушли, а собака осталась и, сидя на свѣжей землѣ, долго и молча нюхала могилу. Черезъ нѣсколько дней кто-то убилъ ее

III.

Спустя недѣли двѣ послѣ смерти отца, въ воскресенье, Павелъ Власовъ пришелъ домой сильно пьяный. Качаясь, онъ пролѣзъ въ передней уголь и, ударивъ кулакомъ по столу, какъ это дѣлалъ отецъ, крикнулъ матери :

— Ужинать!

Мать подошла къ нему, сѣла рядомъ и обняла сына, притягивая голову его къ себѣ на грудь. Онъ, упираясь рукой въ плечо ей, сопротивлялся и кричалъ :

— Мамаша живо!

— Дурачекъ ты! — печально и ласково сказала мать, одолѣвая его сопротивленіе.

— И я — курить буду дай мнѣ отцову трубку . . .
— тяжело двигая непослушнымъ языкомъ, бормоталъ Павелъ.

Онъ напился впервые. Водка ослабила его тѣло, но не погасила сознанія, и въ головѣ стучалъ вопросъ :

— Пьянъ? Пьянъ?

Его смущали ласки матери и трогала печаль въ ея глазахъ. Хотѣлось плакать и, чтобы подавить это желаніе, онъ старался притвориться болѣе пьянымъ чѣмъ былъ.

А мать гладила рукой его потные, спутанные волосы и тихо говорила:

— Не надо-бы этого тебѣ ..

Его начало тошнить. Послѣ бурнаго припадка рвоты мать уложила его въ постель, накрывъ блѣдный лобъ мокрымъ полотенцемъ. Онъ немного отрезвѣлъ, но все подъ нимъ и вокругъ него волнообразно качалось, у него отяжелѣли вѣки и, ощущая во рту скверный горькій вкусъ, онъ смотрѣлъ сквозь рѣсницы на большое лицо матери и безсвязно думалъ:

— Видно рано еще мнѣ   другіе пьютъ и — ни-
чего   а меня тошнить

Откуда-то издали доносился мягкій голосъ матери:

— Какимъ кормильцемъ ты будешь мнѣ, если пить начнешь

Плотно закрывъ глаза, онъ сказалъ:

— Всѣ пьютъ .

Мать тяжело вздохнула. Онъ былъ правъ. Она сама знала, что кромѣ кабака людямъ негдѣ почерпнуть радости, кромѣ водки нѣтъ у нихъ наслажденія. Но, всетаки, сказала:

— А ты — не пей! За тебя, сколько надо, отецъ выпилъ   И меня онъ намучилъ довольно   такъ ужъ ты-бы пожалѣлъ мать, а?

Слушая печальныя, мягкія слова, Павелъ вспоминалъ, что при жизни отца мать была незамѣтна въ домѣ, молчалива и всегда жила въ тревожномъ ожиданіи побоевъ. Избѣгая встрѣчъ съ отцомъ, онъ мало бывалъ дома послѣднее время, отвыкъ отъ матери и теперь, постепенно трезвѣя, пристально смотрѣлъ на нее.

Была она высокая, немного сутулая, ея грузное тѣло, разбитое долгой работой и побоями мужа, двигалось безшумно и какъ-то бокомъ, точно она всегда боялась задѣть за что-то. Широкое, овальное лицо, изрѣзанное морщинами и одутловатое, освѣщалось темными глазами, тревожно-грустными, какъ у большинства женщинъ въ слободѣ. Надъ правой бровью былъ глубокій шрамъ, онъ немного подни-

маль бровь кверху, казалось, что и правое ухо у нея выше, и это придавало ея лицу такое выраженіе, какъ будто она всегда пугливо прислушивалась. Въ густыхъ, темныхъ волосахъ блестяли сѣдые пряди, точно знаки тяжелыхъ ударовъ. Вся она была мягкая, печальная, покорная...

И по щекамъ ея медленно текли слезы.

— Подожди, не плачь! — тихо попросилъ сынъ. — Дай мнѣ испить.

— Я тебѣ со льдомъ принесу воды

Но когда она воротилась, онъ уже заснулъ. Она стояла надъ нимъ съ минуту, стараясь дышать не громко, ковшъ въ ея рукѣ дрожалъ, и ледъ тихо бился о жестъ. Потомъ, поставивъ ковшъ на столъ, она опустилась на колѣни передъ образами и молча начала молиться. Въ стекла оконъ бились звуки темной, пьяной жизни. Во тьмѣ и сырости осенняго вечера визжала гармоника, кто-то громко пѣлъ пѣсню, кто-то ругался скверными, гнилыми словами, и тревожно звучали раздраженные, усталые голоса женщинъ...

Жизнь въ маленькомъ домѣ Власовыхъ потекла однообразно, но болѣе тихо и спокойно, чѣмъ прежде и нѣсколько иначе, чѣмъ вездѣ въ слободѣ. Домъ ихъ стоялъ на краю слободы, у невысокаго, но крутого спуска къ болоту. Треть дома занимала кухня и отгороженная отъ нея тонкой, не доходящей до потолка переборкой маленькая комнатка, въ которой спала мать. А остальные двѣ трети представляли собой квадратную комнату съ двумя окнами; въ одномъ углу ея стояла кровать Павла, въ переднемъ — столъ и двѣ лавки. Нѣсколько стульевъ, комодъ для бѣлья, на немъ маленькое зеркало, сундукъ съ платьемъ, часы на стѣнѣ и двѣ иконы въ углу — вотъ и все.

Павелъ старался жить какъ всѣ. Онъ сдѣлалъ все, что надо молодому парню: купилъ себѣ гармоникку, рубашку съ крахмаленной грудью, яркій галстухъ, галоши, трость и внѣшне сталъ такой-же, какъ всѣ подростки его лѣтъ. Ходилъ на вечеринки, выучился танцевать кадрили и польку, по праздникамъ возвращался домой выпивши и всегда

сильно страдалъ отъ водки. На утро болѣла голова, мучила изжога, лицо было блѣдное, скучное.

Однажды мать спросила его :

— Ну, что, весело тебѣ было вчера?

Онъ отвѣтилъ съ угрюмымъ раздраженіемъ :

— Тоска зеленая! Всѣ какъ машины Я лучше удить рыбу буду или — куплю себѣ ружье.

Работалъ онъ усердно, безъ прогуловъ и штрафовъ, былъ молчаливъ, и голубые, большіе, какъ у матери его, глаза смотрѣли недовольно Онъ не купилъ себѣ ружья и не сталъ удить рыбу, но замѣтно сталъ уклоняться съ торной дороги для всѣхъ: все рѣже посѣщалъ вечеринки и хотя по праздникамъ куда-то уходилъ, но возвращался трезвый. Мать незамѣтно, но зорко слѣдила за нимъ и видѣла, что смуглое лицо сына становится все острѣе, глаза смотрять все болѣе серьезно и губы его сжались странно строго. Казалось, онъ всегда молча сердится на что-то или его сосетъ болѣзнь. Раньше къ нему заходили товарищи, теперь, не заставая его дома, они перестали являться. Матери было пріятно видѣть, что сынъ ея становится непохожимъ на фабричную молодежь, но когда она замѣтила, что онъ сосредоточенно и упрямо выплываетъ куда-то далеко всторону изъ темнаго потока однотонной жизни — это вызвало въ душѣ ея чувство смутнаго опасенія.

Онъ началъ приносить съ собой книги и сначала старался читать ихъ незамѣтно, а прочитавъ, куда-то пряталъ. Иногда онъ выписывалъ изъ книжекъ что-то на отдѣльную бумажку и тоже пряталъ ее

— Ты, можетъ, нездоровъ, Павлуша? — спрашивала она его иногда.

— Нѣтъ, я здоровъ! — отвѣчалъ онъ.

— Худой ты очень! — вздохнувъ говорила мать.

Онъ молчалъ.

Говорили они мало и мало видѣли другъ друга. Утромъ онъ молча пилъ чай и уходилъ на работу, въ полдень являлся обѣдать, за столомъ перекидывались незначительными сло-